

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Обнять навсегда

— Не туда смотришь, на маяк смотри! Я на маяк по молу бегал в детстве, хочешь туда?

— В детство? На мол к маяку? Хочу!
— Странички повести я тебе не отдам, — спрятал в нагрудный карман мои листочки. — Это не повесть, а личное письмо и попало к адресату. Повести пишут иначе.

Мы с Юлием Марковичем идем по Приморскому бульвару и больше нам говорить не о чем, кроме — как пишутся повести. Так я ему и сказала.

Ответил не сразу, лицо его, желчное и подвижное, было всегда таким усталым, что тут же пожалела, что съязвила.

— О не говоримом? — улыбнулся. — Помолчим.

Помолчали. Встретили Авенира Ивановича Уёмова. Поговорили о погоде, об Ирине Марковне Поповой и о политике. Встретили Бориса Нечерду. Поговорили о поэзии, и Юрии Михайлике, и политике. Встретили...

— Юлий Маркович, — говорю, — надо сойти с дистанции, сейчас опять встретим кого-нибудь и будем говорить о погоде, поэзии и политике.

...Помню — живу на межрейсовой базе моряков. Пишу. Работаю в смысле. Стук в дверь — заходит Мазур. Берет стул, ставит посреди комнаты. Пальто не снимает. Сидит, молча смотрит в пространство. Пальто в дождевом бисере. Лужица подтекает под ножку стула.

Смотрю на него с испугом. Жду.

Говорит Юлий Маркович скудно, но объемы возникают то еще... то есть непроходимо огромные и страшные. Напряженно вылавливаю смысл в этих пугающих объемах. Понимаю, что не скажет, что говорит так, чтобы не сказать. Упаковываюсь в плащ, беру за руку, идем под дождь.

Говорил он тихо и взвешенно, всматриваясь — доходит ли. Приняла к сведению, кивнула — понимаю. Минут через тридцать сказал "спасибо" и сел в машину, притянул за ладонь, придерживая руку. Оказывается, редакционная машина тихо ехала вдоль тротуара — ждала. Этим приездом удивил.

Впервые я пришла к нему сама, в кабинет редакции областной газеты "Знамя коммунизма". Не очень понимая, зачем пришла. Я

его не знала. Газету знала и подпись: "Главный редактор Юлий Мазур". Всё. Потом стали доходить слухи о беде, с ним приключившейся. И однажды мне так сильно не понравилось услышанное, что я неожиданно, но решительно вошла к нему в кабинет:

— Вы меня не знаете. Здравствуйте, Юлий Маркович. Я могу вам помочь. Нам надо сделать так, так и вот так. Сделать быстро и сразу.

Он рассматривал меня со странным выражением лица. Я потом уже узнала, что это выражение крайней степени сосредоточенности. Это Мазур справляется с растерянностью, сдерживая гнев.

Сказал:
— Нам? Не представились: вы кто?
Фамилию знал. Потеплел голосом. Спросил, с какого кондачка сорвалась.

Объяснила, почему пришла, о своем состоянии сказала — я как мембрана, улавливаю, что и как, и вот у меня есть "рецепт". Так что странно было бы не поделиться, раз картинка нарисовалась. Поговорили подробно и долго. В результате через пару дней я вылетела в Москву. Через три дня в Москву приехал Мазур. Не один. И в Москве все, что мы проговорили в кабинете — осуществилось по предложенному моему плану. В Москве мы его корректировали, но не очень... Мы очень удивились потом, как все происходило — мы, участники истории, в которой задействованы были несколько человек, были потрясены жесткой логикой абсурда и сора, но результата добились, и он был положительным. Нам помогли. Как сказали бы сегодня дети — "пазлы совпали". Мы победили.

Собственно, именно с этого момента началась наша дружба, но я не хотела свои "вспоминания" начинать с невнятного начала. Поэтому что рассказать эту "историю абсурда" внятно с именами и сутью происходивших событий я всё еще не могу.

Вы же понимаете, я не пишу историческую справку о главном редакторе областной одесской газеты, депутате Верховной Рады Украины Юлии Марковиче Мазуре, я вспоминаю о своем друге, он сказал мне редкое — он сказал:

— Ты мой лучший собутыльник. Собутыльник больше, чем друг. С другом можно разде-

лить горе. А с собутыльником — отсутствие надежды. С другом — никогда.

И это меня настолько потрясло, что я притихла и тут же в его кабинете написала рассказ. Об уже пройденном и прожитом. Юлий Маркович мне не мешал. Сварил кофе.

— Вижу, поставила точку. Прочитаешь? Прочитала.

Проводил, как обычно, до лифта. Спустившись со своего восьмого этажа (где работала в газете "Вечерняя Одесса"), на его четвертый, где проживает и сейчас его газета, изменившая в перестройку название на современное "Ю", сказала:

— Сегодня после работы у меня в кабинете, хорошо? Обязательно!

И я собрала их: Юлия Марковича Мазура, Бориса Федоровича Деревянку (с Борисом Федоровичем пришла Юлия Женева); мы вызвали Константина Ильницкого, и произошло великое примирение этажа восьмого с этажом четвертым. Тогда у меня было редакционное задание — написать 12 статей по теме анонимного лечения алкоголиков по системе АА (мучая Сергею Дворячку расспросами, там чайные 12 ступеней, Сергею предстояло написать 13-ю заключительную), и мы слегка распивали мою нарабатываемую коллекцию спиртного, беседа до полуночи, и это было хорошо и по делу! А то Мазур и Деревянка было поссорились, и мы с Константином было поссорились, а мне очень хотелось, чтобы все помирилось, это моя пожизненная фишка — чтобы по коту Леопольду жизнь шла: "Ребята, давайте жить дружно!" Получилось!

...Ещё помню, как пришла моя Алка, Алла Дмитриевна Черноиваненко, мы сидели на моем восьмом и вызывали Мазура. Потом решили пойти к Деревянке — а у него был прищелк какой-то со стиральными порошками. Бориса Федоровича на "посидеть с нами" мы не уговорили и ушли, унося "в клюве" по пачке перепавшего стирального порошка, страшного дефицита по тем временам. Стали думать — что делать дальше. Поскольку нас распырили проблемы всеукраинского масштаба, а я была тогда в "Рухе", рухнули мы в этот вечер на всю голову, и нам нужен был серьезный мужской ум, бо кучей бабист не срабатывал. Мы все проблемы "чисто по-

женски" свели в итоге к хиханькам-хаханькам, котикам и вопросам, на которые ответов не знали, нам нужны были трезвые мужские головы! А Борис Федорович выставил нас со своими стиральными порошками, поспав по формуле "Kinder, Küche, Kirche!" — куда дальше. И тогда мы, глотнув для храбрости моего коллекционного, взяв порошки, пошли к Мазуру на четвертый этаж. Но Юлий Маркович ушел домой. И мы пошли домой к Юлию Марковичу. Но и дома его не оказалось.

Лариса Григорьевна, самая красивая женщина в мире, жена Юлия Марковича, прекрасный доктор, вылечила нас от гиперактивности, накормив котлетами, приютила и наблюдала, что мы творили — а мы "творили историю", мы звонили Огреничу, мы открыли пианино — и... пришел Юлий Маркович и влился в историю. Мы опять ели котлеты. И пили вино. И Алка таки дозвонилась до "консерватории, чтобы что-то там подправить". Они с Юлием в четыре руки сыграли и спели в трубку Николаю Леонидовичу гимн Украины — тут начался полный зашквал — мы с Ларисой могли уже только улыбаться и разводить руками, Огренич на том конце провода подпевал! Потом мы с Ларисой Григорьевной волновались — Алка на нервной почве под разговор об Украине съела 12 котлет! Сошлись на том, что виноват во всем Огренич, это он по дружбе поделился с сотрудниками редакции свалившимся на него дефицитом, заперев нам головы стиральными порошками!

...А в это время кошка Мазурова родила вчера котят, и Лариса Григорьевна всю нашу "революционную" активность свела к котикам, велела Юлику выбрать для Алочки самого толстого — Юлий Маркович выбрал черно-мырливого мурчелло, назвав его тут же Портосом.

То есть, вспоминая о тех прошедших временах, когда все еще были живы, я на голубом глазу говорю: мы были молоды, жили весело, бурно и не без высоких смыслов.

И мы тогда не думали о той области, что ТРАГЕДИЕЙ зовется и не знает добровольцев, потому что мы как раз и были из тех... Тех самых, что вписываются в группу "добровольцев", то есть группу повышенного риска.

Но однажды жизнь накренилась сильнее обычного, и наступили времена, когда риски начали осуществляться. Но об этом есть во многих СМИ, и я не буду об этом.

Всякий раз, уезжая из Одессы, я забегала попрощаться — на свои восьмое и четвертое небеса. Мы "кофе пили, по-турецки говорили", а потом он провожал меня до лифта. В тот раз, осенью 2000 года, я вдруг от подошедшего лифта рванулась к Мазуру, обнять. Навсегда.

Анна ИЗОТОВА

Мои Соловки

Время сложилось. И я вдруг отчетливо поняла, что именно сейчас, именно сегодня мне нужно начать подробно описывать одну из моих поездок со вторым мужем. На Соловки мы с Артёмом попали совершенно неожиданно...

Уже после приезда я недоумевала, как это могло произойти именно с нами. Дело в том, что долгими осенними и зимними вечерами я неоднократно пересматривала фильм Павла Лунгина "Остров". Я настолько прониклась историей монаха отца Анатолия, что делилась своими впечатлениями и мыслями об этой картине со всеми друзьями и малознакомыми мне людьми.

На втором году нашей совместной жизни мы очень сильно ссорились. Причём иногда очередной конфликт заканчивался его возвращением в съемную квартиру. Однажды после такого эмоционального взрыва мы сидели в разных комнатах, и я чувствовала себя не только снова одинокой, но ещё и абсолютно беспомощной. Передо мной был только экран компьютера и социальные сети абсолютно чужих и безразличных тебе "друзей". Неожиданно я увидела аватар священника — это была моя ночная скорая помощь. Я написала о проблемах нашей пары отцу Николаю, священнику из Санкт-Петербурга. И о том, что я очень устала от этих ссор, и о том, что, наконец, развелась с отцом ребёнком, встретив Артёма и доверившись ему. То, что написал мне священник в ответ, потрясло меня: "Вам нужно на Соловки, к отцу Герману". Я не могла поверить своим глазам — меня благословили ехать на Соловецкие острова!

Во-первых, это приличные деньги. Во-вторых, я не представляла себе, как мне уговорить Артёма ехать со мной в паломничество. С его исключительно бережным отношением к денежным средствам и ранним этапом воцерковления...

Сомнений было множество, но я знала точно, что благословения истинных священников всегда сбываются. Деньги пришли очень

скоро. Артёма удалось заинтересовать неповторимой архитектурой Соловецкого монастыря. Я прочла ему несколько рассказов об испытаниях монахов в Соловецком лагере, в частности, о мученическом пути профессора богословия архиепископа Иллариона. Показала прекрасные иллюстрации — снимки монастыря и прилегающей местности. Конечно, Тёма согласился. Паломническая организация из Санкт-Петербурга быстро обеспечила нас необходимыми документами и бронировками.

В конце июня в Одессе была невыносимая жара, тридцать восемь градусов, насколько я помню, поэтому у вагона мы стояли в шортах. На подъезде к Питеру небо стало пасмурным. Люди на перроне были одеты в куртки, несли с собой зонты и не производили впечатления особо радующихся такому лету. Я вытащила ветровку и джинсы из дорожной сумки и с ужасом обнаружила, что джинсы стали безнадежно малы за несколько суток пути.

Угнетало всё. Пасмурная и очень холодная погода. Из тридцати восьми градусов мы попали в одиннадцать. Жутко хотелось быстрее избавиться от попутчиков и принять душ как минимум. На вокзале нас встретил мой дядя, который около пятидесяти лет назад хронически влюбился в Санкт-Петербург и посвящал всю свою сознательную жизнь этому потрясающему городу. Я его понимаю.

Двадцать седьмого июня две тысячи двенадцатого года от Рождества Христова мы выехали в плацкартном вагоне в Кемь, где пересели на старый теплоход советского образца. Температура воздуха была, естественно, ещё ниже, чем в Питере. Все были одеты в тёплые спортивные вещи, ветровки и куртки. Небо над головой было постоянно свинцово-серым и пасмурным, а цвет воды — красновато-рыжий, уходящий в ржавчину... Мы фотографировались на открытой палубе, и Артём до сих пор нежно обнимает меня левой рукой за талию на общих снимках.

Вдали показалась группа островов, к кото-

рой нас благополучно доставили. Так мы ступили на святую землю. Не отдохнув как следует, лишь оставив вещи в гостинице середины XIX века, мы отправились на трехчасовую экскурсию по Соловецкому монастырю. Всё, абсолютно всё, начиная от уникальной кладки монастырских стен из валунов с человеческий рост, лодок, зернохранилищ, мельницы XVII века и заканчивая огромными мехами для печи, было изготовлено людьми без применения станков и автоматизированных систем. Купола монастыря также сделаны вручную из мелких кусочков древесины, настолько правильно подогнанных друг к другу, что переливаются на солнце.

После вечерней службы мы смогли увидеться с отцом Германом — невысоким худощавым монахом, встречая с которым, по моим ожиданиям, должна была изменить всю мою дальнейшую жизнь навсегда...

Итак, мне посчастливилось беседовать с этим удивительным человеком. Я помню, что жаловалась на свою жизнь и слёзно плакала, потому что статус матери-одиночки без мужа для любой женщины либо непосильное бремя, либо очень тяжёлая ноша. А батюшка меня утешал, что, несмотря на мои немощи и малодушие, Господь наш поможет и крест свой донести, и душу спасти. И хотя я видела этого человека впервые, мне не хотелось уходить от него. Беседа длилась около часа. Когда мы вышли из кельи, я предложила Артёму пообщаться с батюшкой, но он с улыбкой сказал, что ему не нужно... Мы с отцом Германом промолчали и тепло попрощались.

На следующий день мы встали в пять часов утра и отправились пешком к определённому месту на побережье, где нас ждал катер. Дорога шла через потрясающе красивую местность. Вообще природа на островах поражала своей первозданной чистотой и нетронутостью. Проникающие в каждую клетку тела через кристально чистый воздух природные красота и чистота, казалось, очищали от всего дурного и наносного...

Катер ожидал нас на берегу одного из почти четырёхсот озёр этого региона. Соловецкие озёра в большинстве своём имеют ледникового происхождения, поэтому вода в них прозрачная и очень холодная даже в короткий летний период. Над нами пролетали чайки — символ Соловков.

Вскоре мы ступили на землю острова Анзер, где были основаны первые скиты Соло-

вецкого монастыря. После посещения Голгофо-Распятского скита на горе Голгофа мы спустились по узкой тропе и своими глазами увидели легендарную берёзу, выросшую в форме креста в тот страшный год, когда на Соловецких островах были уничтожены все символы христианства, включая кресты и изображения святых.

Вернувшись в гостиницу, мы буквально свалились с ног и на следующий день проспали очередную запланированную экскурсию. Это было уже не важно. Мы были счастливы бродить по острову вокруг монастыря, фотографировать местные достопримечательности и наслаждаться солнечной погодой и каким-то внутренним шиком простоты этих мест.

Обратно мы плыли на теплоходе, навсегда увозя с собой хроническую и неизлечимую влюблённость в Соловецкие острова, а чайки устроили нам воистину царственный эскорт, с удовольствием позируя фотохудожнику, очарованному каждой из них.

Произошло ли чудо в моей жизни после поездки на Соловки? Через пять месяцев Артём сделал мне предложение, и мы повенчались в храме "Всех скорбящих радость" в Одессе. Так сбылась моя заветная мечта, и я стала счастливейшей женщиной в мире. Я была готова прожить вместе всю оставшуюся жизнь и умереть на руках любимого, а он обещал, что так и будет. И хотя наша сказка длилась недолго, мы прожили всего пять лет вместе, они до сих пор кажутся мне самыми близкими в моей жизни. И связываю я своё семейное чудо с присутствием Божьего благословения в наших отношениях. Я до сих пор очень люблю своего второго мужа и именно поэтому отпустила его в новую жизнь, взяв на себя ответственность перед Господом за своеволие. Поступить иначе было невозможно, поскольку его семья так и не признала моё право на долгосрочное счастье с их сыном, а он не смог защитить меня и наше супружество достойным образом. И когда мне вновь приходит в голову, что ни Соловки, ни посещение богослужений, ни семейные визиты к духовному отцу не спасли наш союз, я вспоминаю чаек, свободно и независимо парящих в небесных высотах над Соловецкими островами. Самая приятная и благотворная привязанность — это всего лишь цепь. Истинная любовь предполагает независимость и полную свободу тех, кого любишь.